

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834

Понятие социальной идентичности: основные исследовательские подходы*

Д.Г. Подвойский, С. Солеймани

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
(e-mail: podvoyskiy-dg@rudn.ru, Soleimani.s@yandex.ru)

Тема идентичности в дискурсе социально-гуманитарного знания является одной из наиболее сложных и многоаспектных, привлекая в последние десятилетия внимание интеллектуалов и исследователей. Поскольку человек представляет собой социальное существо, он имеет социальную идентичность. Общественная жизнь человека немыслима без рамок и основы для определения социальной и индивидуальной идентичностей — без них никто не сможет установить значимых или последовательных отношений с другими людьми. Социальная идентичность как основа для выявления социально значимых «сходств» и «различий» индивидуальных и коллективных акторов позволяет налаживать непрерывное общение и устойчивое взаимодействие в сообществе. Объяснение социальной идентичности и факторов, влияющих на ее формирование, не может быть ограничено рамками одной теории или одной научной школы. В статье предпринимается попытка исследовать эту концепцию в соответствии с подходами, оформившимися в рамках теорий макро- и микроуровней, а также теорий социального порядка и интеграции. Открывается обзор с рассмотрения точки зрения социологов-теоретиков макроуровня, таких как Э. Дюркгейм и М. Кастель; характеризуются такие понятия, как «механическая солидарность», «органическая солидарность», «легитимирующая идентичность», «идентичность сопротивления» и «проективная идентичность». Также обсуждаются взгляды выдающихся теоретиков символического интеракционизма, оперирующих понятиями «самость» и «разум», в первую очередь Дж.Г. Мида. Исследуются идеи Ч.Х. Кули, в которых центральное место занимают понятия «зеркальное Я» и «первичная группа», разбираются работы М. Розенберга, посвященные образу «Я» или «Я-концепции», обсуждаются точки зрения Г. Тэджфела и Э. Гидденса на идентичность и ее разновидности. В конце статьи рассматриваются взгляды П. Бурдьё и Р. Дженкинса. Осуществляется предварительное сравнение рассмотренных подходов, кратко характеризуются особенности используемой в них теоретической аргументации. Разные версии концепций идентичности соотносятся с ключевыми решениями проблемы социального порядка и теоретико-методологической дилеммой «субъекта—структуры».

Ключевые слова: идентичность; социальная идентичность; индивидуальная идентичность; символический интеракционизм; первичные группы; «Я-концепции»; социальная интеграция; «зеркальное Я»

* © Подвойский Д.Г., Солеймани С., 2019.

Статья поступила 22.07.2019 г. Статья принята к публикации 03.09.2019 г.

Идентичность является сложным и неоднозначным понятием в общественных и гуманитарных науках. В ее интерпретации всегда имели место разногласия и противоречия среди социологов, психологов и философов. Социальная идентичность делает возможной социальную коммуникацию, но также делает жизнь людей «субъективно значимой» для них самих. Социальная идентичность и факторы, влияющие на ее формирование, не могут быть охвачены одной традицией, поэтому постараемся рассмотреть эту концепцию с разных сторон и в соответствии с подходами, оформившимися в рамках теорий макро- и микроуровней, а также теорий социального порядка и интеграции.

При анализе на макроуровне идентичность описывается с точки зрения исторических, культурных, политических, экономических процессов, в том числе процессов социетального уровня, таких как, например, глобализация. Э. Дюркгейм, как известно, выделял два вида солидарности: механическую и органическую. Механическая солидарность реализуется на ранней стадии формирования общества и в небольших социальных единицах. При этой разновидности солидарности простые и близкие отношения достигаются через семью, родоплеменную общность и идентификацию с тотемом (клановая и религиозная идентификации могут совпадать). Постепенно происходят изменения: механическая солидарность превращается в органическую. На этапе органических отношений каждый человек имеет отдельную и независимую личность, но параллельно развиваются социальные контракты и возникают организованные отношения. Для Дюркгейма конечной целью социологии является определение условий поддержания-сохранения общества как упорядоченного целого (проблема социального порядка). Он выделял два идеальных типа сообществ. Первый — элементарное общество с механической солидарностью, в котором нет разделения труда либо оно находится на очень низком уровне. Французский социолог обнаружил, что в обществах такого типа социальная солидарность основана на общности и сходствах между людьми как членами группы и в значительной степени зависит от общих событий в их коллективной жизни [7].

По мнению Дюркгейма, элементарные общества обладают механической солидарностью, поскольку находятся лишь на начальной стадии технического прогресса. Развивающиеся технологии требуют специализации, и она приводит к разделению труда — постепенно возникает второй тип общества, а именно общество современное, для которого характерна органическая солидарность. В этом обществе, с учетом того, что ценности и приоритеты социальных единиц различаются, выживание целого зависит от доверия людей друг к другу при выполнении ими их конкретных обязанностей. В современных обществах с органической солидарностью существует консенсус именно потому, что люди разные, а использование услуг друг друга приводит к социальной солидарности [3; 14. Р. 144]. Человек может идентифицировать себя с обширной социальной единицей (с нацией, государством, народом и т.п.), не утрачивая при этом своих индивидуальных особенностей.

С точки зрения М. Кастельса, идентичность — это источник смысла и опыта для людей. Идентичность, если говорить о социальных акторах, является процес-

сом создания значений на основе культурной ценности или целостного набора культурных особенностей, имеющих приоритет над другими источниками смысла. Идентичность — источник смысла для самих акторов, и они создают ее сами в процессе индивидуализации. Тем не менее, идентичности могут также исходить от доминирующих институтов, но даже тогда они будут теми идентичностями, которые обусловлены интернализацией институциональных влияний социальными акторами [12].

Кастельс считает, что социальная выработка идентичности всегда происходит в контексте властных отношений, поэтому он различает три источника идентичности: легитимирующая идентичность предлагается обществу правящей элитой и государственной бюрократией для укрепления своего господства; идентичность сопротивления, или оппозиционная, формируется у ущемленных социальных групп; проективная идентичность вырабатывается субъектами политического процесса с учетом традиционной культуры с целью преобразования всей социальной структуры и их социального положения [13]. Согласно Кастельсу, каждый процесс идентификации приводит к разным результатам: легитимирующая идентичность создает гражданское общество; идентичность сопротивления, приводит к формированию сообществ; проективная идентичность — к созданию субъекта. Субъектами являются лидеры коллективов и общественные деятели, когда люди достигают значимости благодаря своему опыту. Кастельс считает, что разные типы идентичностей, их источники и последствия не могут обсуждаться в общих чертах и абстрактно, поскольку данный вопрос тесно связан с конкретным социально-историческим контекстом.

Истоки микросоциологической теории идентичности восходят к работам теоретиков символического интеракционизма. При разработке своих концепций они фокусировались прежде всего на том, как человек социализируется и как «формирует себя», а также подчеркивали роль субъективных и символических факторов в построении индивидуальной и коллективной идентичности.

Одним из основных понятий теории Дж.Г. Мида является «самость» (Self). Использование Мидом понятия «самость» отличается от интерпретации данного термина в других подходах [1; 6]. По Миду, самость связана с идентичностью, которая является в основном социальной категорией: у людей есть «самость», и это означает, что человек может быть субъектом для самого себя. Человек может смотреть на себя по-разному, в зависимости от исполняемой роли, выступая как мужчина или женщина, ребенок или взрослый, член той или иной этнической группы и т.д.

Чтобы стать субъектом, человеку необходимо быть в состоянии «воображаемой интеракции» с самим собой как с объектом (так называемое «принятие роли другого» в отношении себя). Следовательно, он идентифицирует себя как мужчина, студент, работник и т.д. [7]. Таким образом, социальный актор мысленно вступает во взаимодействие с самим собой.

Для Мида подобное действие актора носит социальный характер. «Самость» и «разум», которые являются основными понятиями теории Мида, по его мнению, являются продуктом участия в групповой жизни — создаются в процессе взаимодействий, в которые человек вступает в детстве с другими. Значит, понимание

природы самости требует анализа процесса взаимодействия. Чтобы действовать как субъект для самого себя, необходимо выйти за границы собственного Я и с этих позиций оценивать себя. Для Мида детская игра — это первый важный шаг в развитии самости. Второй этап формирования Я — этап групповых игр. Особенность групповой игры заключается в том, что ребенок играет коллективно определенную и организованную роль в группе, в том числе роли других; таким образом, если у маленького ребенка нет возможности разыгрывать роли других, он не будет развивать «самость» [11].

С точки зрения Ч.Х. Кули, «я сам» и общество — два феномена-близнеца, и между ними существует органическая и неразрывная связь. Он полагал, что под обществом и частными лицами подразумеваются не два отдельных феномена, а скорее коллективные и индивидуальные аспекты одного феномена. По мнению Кули, «я сам»/личность не является в первую очередь чем-то индивидуальным, а затем социальным, но формируется в процессе диалектических отношений [5]. Осознание человеком себя самого — это отражение мыслей других о нем. Таким образом, невозможно говорить об отдельном индивиде, фактически «я сам» является результатом коррелированного восприятия «я», «он» и «они». Кули сравнивает свою модель личности с зеркалом, намекая на рефлексивный характер человеческого Я, и называет ее «зеркальным Я». Наши представления о самих себе поступают: 1) из нашего представления о том, «каким я кажусь другому человеку»; 2) из нашего представления о том, «как этот другой оценивает мой образ»; 3) из наших чувств и ощущений складывается особенное «чувство Я» — самоуважение (чувство собственного достоинства). Поэтому очевидно, по мнению Кули, что «я сам» появляется в социальном процессе, основанном на обмене коммуникациями и отражающемся в сознании человека.

Основное внимание при обсуждении социальной жизни Кули уделяет анализу тех групп, которые он рассматривал в качестве основных факторов, связывающих человека с обществом, и интеграции людей в процесс коллективного строительства социального мира. Кули представляет эти группы как «первичные» — группы, которые определяются «сотрудничеством и принадлежностью», и по этой причине он считает, что первичные группы играют фундаментальную роль в формировании социального характера (настолько, что общие жизненные и групповые цели во многом соответствуют жизни и целям каждого человека в группе). Наиболее важными примерами здесь являются семья, группы ровесников, соседские сообщества, местные общины. По мысли Кули, понятия «зеркальное Я» и «первичная группа» переплетаются. Первичная группа является первой платформой для роста и развития человеческих эмоций. Она усиливает способность помещать себя в другое место и, создавая чувствительность к реакциям других, без которых невозможна социальная жизнь, изменяет самосознание человека. В первичных группах реализуется подлинная человеческая природа — человек не рождается с ней изначально. Невозможно получить эту природу без сотрудничества с другими, а изоляция разрушает ее [4].

Г. Тэджфел — один из теоретиков социальной идентичности, который представил свою теорию в семидесятые годы прошлого века. Тэджфел связывает социальную идентичность с членством в группе, которое предполагает среди прочего

наличие когнитивного элемента (знания, что человек принадлежит к группе, в том числе знания о положительных и отрицательных последствиях членства в ней) и эмоционального элемента (эмоции относительно группы и тех, кто имеет особые отношения с ней). По словам Тэджфела, социальная идентичность основывается на той части Я-концепции индивида, которая предполагает осознание им членства в социальных группах, а также ценности этого членства. Теория Тэджфела фокусируется на аспектах идентичности, которые исходят от членства индивида в группе: сообщество состоит из людей, которые связаны друг с другом и имеют общие интересы, а также подчинены друг другу, и структура этой групповой коммуникации важна для формирования идентичности. Тэджфел считает, что люди пытаются сравнивать собственную группу с другими группами, чтобы доказать превосходство первой; таким образом, они оценивают свою группу через отношение к аналогичным группам. Тэджфел называет этот процесс, отделяющий людей внутри группы от людей, не входящих в группу, «социальной категоризацией». По его мнению, социальная идентичность обусловлена одним из процессов интернализации социальных категорий [17].

В работах М. Розенберга особое внимание уделяется «образу Я», или «Я-концепции». Его взгляды базируются на идеях Мида и Кули. Розенберг полагает, что «образ Я», или «Я-концепция» отражает характеристики социальной идентичности человека, а не индивидуальные черты личности. Ученый среди прочего отличает «самость» от «Я-концепции». Он наделяет «самость» более общим значением, чем «Я-концепцию». При этом он рассматривает «Я-концепцию» только с точки зрения когнитивного аспекта, полагая, что она относится только к когнитивному аспекту «самости». «Я-концепция», хотя и представляет собой меньшую часть характера человека, чрезвычайно важна — она отражает набор информации и уникальные взгляды, которые человек имеет о себе и других членах сообщества. По словам Розенберга, лишь небольшая часть этой информации состоит из индивидуальных впечатлений, которые связаны с индивидуальной идентичностью, а большинство элементов этого набора информации формируют социальные представления.

Таким образом, при определении идентичности следует отличать предмет, характер и сложные процессы формирования от ее конкретных форм. Предметом может быть человек, группа, организация и т.д., но при этом идентичность может проявляться в разных формах: как чувство собственного интереса (личная идентичность), чувство интереса к религиозным ценностям (религиозная идентичность), чувство интереса к языку и культурным группам (этническая идентичность) и т.п. Теоретики рассматривают способ формирования, изменения и эволюции идентичности, опираясь на три уровня восприятия человеком самого себя. Первый уровень — конструирование собственного образа в настоящем: кем люди считают себя, как воспринимают себя, какие особенности приписывают себе. Второй уровень — самоуважение: как человек чувствует себя и относится к самому себе (позитивно или негативно). Третий уровень — изменения чувства идентичности: кем ощущает себя человек, каковы его корни и истоки, куда он движется в перспективе.

Согласно приведенному выше объяснению социальной идентичностью является самосознание индивидов относительно их принадлежности к социальным группам, и этот тип идентичности отделен от индивидуальной идентичности. По мнению Э. Гидденса, человек взаимодействует с другими людьми, которые создают свою идентичность и постоянно изменяют ее в ходе жизни. Идентичность не стабильна, это динамичное, изменчивое явление. Британский ученый считает важным фактором при совершении большинства действий и бессознательное стремление к обретению доверия во взаимодействии с другими, или так называемую «онтологическую безопасность». Идентичность не есть нечто данное, но всегда есть то, что человек должен создавать постоянно и ежедневно защищать, поддерживая в своей деятельности [10]. Гидденс полагает, что «самость» не является пассивной единицей в социальном процессе. Однако люди, пытаясь построить собственную идентичность, содействуют воссозданию определенных социальных отношений в окружающем их мире. В результате люди сталкиваются с разными вариантами «самости», которые характерны для современных обществ, и эта ситуация порождает у них при формировании идентичности изобилие вариантов выбора. Гидденс считает, что изменение формы личной идентичности и феномен глобализации — два столпа диалектики глобального и локального в последнее время [15. Р. 81].

Гидденс утверждает, что иногда для демонстрации конкретной идентичности мы меняем наши тела и выполняем такие действия, которые представляют нас в глазах других так, как мы этого хотим. В современном мире на такое поведение и действия влияет среда, в которой мы пребываем, и мы должны быть готовы адаптировать свое поведение и действия к ней. При этом Гидденс различает истинную идентичность и идентичность, которую демонстрирует индивид, и приводит следующий пример: мужчина хочет развестись с женой, но еще не говорил с ней об этом и продолжает жить с ней мирно. На самом деле этот мужчина имеет два уровня идентичности. Первый: знает только себя (планирует развестись со своей женой), а второй — то, что показывает в повседневной жизни (мирно живет с женой). Согласно этому примеру каждый человек в сообществе может попасть в такую ситуацию и иметь разные уровни идентичности, которые каждый раз будут использоваться в зависимости от ситуации.

Гидденс считает, что личная идентичность должна создаваться и постоянно адаптироваться, это адаптация к противоречивым переживаниям событий повседневной жизни и тенденциям современных институтов [15. Р. 87]. Таким образом, люди развивают свою индивидуальность в повседневной деятельности, интерпретируя свои собственные и действия других людей, а также ссылаясь на ресурсы идентификации, которыми могут быть семья, образовательные центры и средства массовой информации. На формирующиеся отношения и взаимодействующих в социальной среде субъектов влияют нормы и ценности, которые могут облегчить выработку деятельностных стратегий акторов и помочь сформировать идентичность людей.

П. Бурдье (как и Гидденс) объясняет поведение и поступки людей, применяя смешанный подход, рассматривая микро- и макроуровень. На макроуровне он

ссылается на структуры или взаимодействия, которым соответствуют определенные виды и объемы капитала (экономического, культурного). Человек занимает позицию рядом с теми, кто похож на него по параметрам видов капитала, распределенных в обществе неравномерно. Люди, имеющие сходную «базу», при взаимодействии друг с другом довольно последовательны и соотносятся с габитусами и моделями действий. Габитус — это матрица восприятия и оценки, и она выражает характер и поведение, которые имеют смысл во всякой конкретной точке социального пространства. Бурдьё при определении роли габитуса и его разделении на индивидуальный и классовый габитус также касался вопроса об индивидуальной и коллективной идентичности. Индивидуальный габитус является неотъемлемой частью органической индивидуальности: имеет прямую связь с индивидуальностью, личным восприятием и индивидуальной идентичностью. Классовый габитус, который проистекает из социально-экономического статуса и позиции акторов в социальных структурах, создает общие коллективные идентичности. Классовый габитус в образе жизни людей, принадлежащих к разным классам и группам, характеризует их в широком диапазоне от вкусовых пристрастий и особенностей эстетического удовольствия до политических взглядов [2; 9].

Р. Дженкинс утверждал, что во многих социологических исследованиях наблюдаются различия между социальными и индивидуальными идентичностями, хотя индивидуальные и коллективные дела могут быть похожи (если не совпадают в точности). Возможно, наиболее очевидное различие между индивидуальной и коллективной идентичностью заключается в том, что индивидуальная идентичность подчеркивает разницу, а коллективная — сходство. Кстати, в Оксфордском словаре английского языка слово идентичность — «identity» — имеет корни в латыни (*Identitas* происходит от *Idem*, означает «похожее и одинаковое»). У него два основных значения: первое выражает понятие сходства — одно похоже на другое; второе — это концепция различия, которая предполагает совместимость и непрерывность во времени, т.е. к понятию сходства можно прийти с двух точек зрения. Понятие идентичности между индивидами или объектами устанавливает одновременно две вероятные пропорции: с одной стороны, сходство, с другой — различие.

Дженкинс считает, что социальная идентичность является практическим достижением, т.е. процессом, который можно понять с помощью внутреннего и внешнего взаимодействия. Для Дженкинса первичные идентичности, такие как пол, родство и этническая принадлежность, являются более прочными по сравнению с другими социальными идентичностями. Родственная группа — явный источник для идентичности социального субъекта, которая очень прочна. Время и место также играют центральную роль в создании идентичности на сцене сообщества, потому что идентификация вещи означает размещение ее во времени и пространстве. Институты как принятые образцы практики и организации как символ социальных категорий можно указать среди областей, которые имеют важное значение для выявления идентификации. Социальные идентичности приобретаются людьми и присваиваются им в контексте силовых событий [16].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что «идентичность» является сложным и расплывчатым концептом и всегда была предметом обсуждения социологов, психологов и философов, независимо от того, использовали они сами этот термин или нет. Следовательно, описание понятия, как и эмпирического феномена идентичности, не может ограничиваться рамками какой-либо одной теории или научной школы. С точки зрения теоретиков макроуровня, таких как Дюркгейм и Кастельс, идентичность — это то, что отличает индивидов и группы друг от друга. Люди представляют себя через некие фиксированные профили и считают их отличием себя от других. Последователи данной точки зрения утверждают, что люди сравнивают свою группу с другими группами, чтобы доказать превосходство своей группы (наиболее рельефно этот подход в истории социологической мысли был выражен в концепции этноцентризма и мы/они-групп У. Самнера). В целом сторонники макросоциологического взгляда описывают и анализируют идентичность в связи с историческими, культурными, политическими, экономическими конstellляциями социальных процессов, рассматриваемых в глобальной перспективе. Выдающиеся теоретики символического интеракционизма (Мид, Кули) представляют перспективу микросоциологического анализа феномена идентичности: они пытались ответить на вопрос, как человек социализируется и как формирует собственное «Я», подчеркивая роль субъективных и символических факторов в построении коллективной идентичности. В синтетических социологических теориях Гидденса и Бурдье была предпринята попытка снятия классических дилемм макро—микро, действия—структуры, что привело, в частности, к описанию концепта идентичности в масштабах диалектических взаимосвязей между индивидуальной и социальной реальностью. Тем не менее, современное состояние научной дискуссии в социологической теории и сопредельных областях указывает на то, что повестка дня в обсуждении темы идентичности является принципиально открытой и незавершенной.

Библиографический список

- [1] *Белик А.А.* Теория «Я» Дж. Г. Миды и психологическая антропология // *Социальная психология и общество*. 2011. № 1.
- [2] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.
- [3] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- [4] *Козер Л.А.* Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте. СПб.: Нестор-История, 2013.
- [5] *Кули Ч.Х.* Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, 2000.
- [6] *Мид Дж.Г.* Избранное. М.: ИНИОН РАН, 2009.
- [7] *Орлова Э.А.* Концепции идентичности/идентификации в социально-научном знании // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV.
- [8] *Симонова О.А.* К формированию социологии идентичности // *Социологический журнал*. 2008. № 3.
- [9] *Шматко Н.А.* «Габитус» в структуре социологической теории // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. № 2.
- [10] *Якушина О.И.* Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2.

- [11] *Blumer H., Morrione T.J.* George Herbert Mead and Human Conduct. N.Y.: Altamira Press, 2004.
- [12] *Castells M.* End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 3. Oxford: Blackwell, 1998.
- [13] *Castells M.* Globalisation and identity. A comparative perspective // *Transfer*. 2006. No. 1.
- [14] *Delaney T.* Classical Social Theory: Investigation and Application. N.J.: Prentice Hall, 2004.
- [15] *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 2010.
- [16] *Jenkins R.* Social Identity. L.: Routledge, 2014.
- [17] *Tajfel H.* Human Groups and Social Categories. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-825-834

The concept of social identity: Basic research approaches*

D.G. Podvoyskiy, S. Soleimani

RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198
(e-mail: podvoyskiy-dg@rudn.ru, Soleimani.s@yandex.ru)

Abstract. Identity is one of the most complex and multidimensional terms of social sciences and humanities, which attracts attention of many intellectuals and researchers. We are social beings; thus, we have social identities. Our social life is impossible without a framework and basis for developing social and individual identities — without them no one can build meaningful or consistent relationships with other people. Social identity as the basis for identifying socially significant “similarities” and “differences” between individual and collective actors allows for continuous communication and sustainable interaction in the community. Explanations of social identity and factors influencing its cannot be limited to any theory or scientific school. Thus, the authors study the concept of social identity as defined by theories of macro- and micro-levels, and also by theories of social order and integration. The article starts with the macro-sociology theorists E. Durkheim and M. Castells and considers such concepts as “mechanical solidarity”, “organic solidarity”, “legitimizing identity”, “resistance identity” and “project identity”. The authors consider the views of representatives of the symbolic interactionism focusing on the concepts of “self” and “mind”, primarily in the theory of G.H. Mead; the ideas of Ch.H. Cooley based on the concepts of “looking-glass self” and “primary group”; the works of M. Rosenberg devoted to “self-concept”; the theories of H. Tajfel and A. Giddens describing identity and its varieties; and, finally, the views of P. Bourdieu and R. Jenkins. The authors conduct a kind of the preliminary comparison of the mentioned approaches to identify the features of their theoretical argumentation and the role of ‘identity’ in the theory of social order and theoretical-methodological dilemma ‘subject-structure’.

Key words: identity; social identity; individual identity; symbolic interactionism; primary group; “self-concept”; social integration; “looking-glass self”

References

- [1] Belik A.A. Teoriya «Ya» G.H. Meada i psihologicheskaya antropologiya [G.H. Mead theory of “Self” and psychological anthropology]. *Socialnaya Psihologiya i Obshchestvo*. 2011; 1 (In Russ.).

* © D.G. Podvoyskiy, S. Soleimani, 2019.

The article was submitted on 22.07.2019. The article was accepted on 03.09.2019.

- [2] Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical Reason]. Saint Petersburg; 2001 (In Russ.).
- [3] Durkheim E. *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii* [The Division of Labour in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [4] Coser L.A. *Mastera sociologicheskoy mysli: Idei v istoricheskom i socialnom kontekste* [Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context]. Saint Petersburg; 2013 (In Russ.).
- [5] Cooley C.H. *Chelovecheskaja priroda i socialny porjadok* [Human Nature and the Social Order]. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [6] Mead G.H. *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [7] Orlova E.A. *Konceptsii identichnosti/identifikatsii v socialno-nauchnom znanii* [Concepts of identity/identification in the social-scientific knowledge]. *Voprosy Socialnoj Teorii*. 2010; 4 (In Russ.).
- [8] Simonova O.A. *K formirovaniyu sociologii identichnosti* [On the development of sociology of identity]. *Sociologicheskyy Jurnal*. 2008; 3 (In Russ.).
- [9] Shmatko N.A. “Gabbitus” v strukture sociologicheskoy teorii [“Habitus” in the structure of the sociological theory]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 1998; 1 (2) (In Russ.).
- [10] Yakushina O.I. *Identichnost v sociologicheskoy teorii E. Giddensa* [Identity in the sociological theory of A. Giddens]. *Sovremennyye Problemy Nauki i Obrazovaniya*. 2014; 2 (In Russ.).
- [11] Blumer H., Morrione T.J. *George Herbert Mead and Human Conduct*. New York: Altamira Press; 2004.
- [12] Castells M. *End of Millennium. The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 3. Oxford: Blackwell; 1998.
- [13] Castells M. *Globalisation and identity. A comparative perspective*. *Transfer*. 2006; 1.
- [14] Delaney T. *Classical Social Theory: Investigation and Application*. N.J.: Prentice Hall; 2004.
- [15] Giddens A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press; 2010.
- [16] Jenkins R. *Social Identity*. London: Routledge; 2014.
- [17] Tajfel H. *Human Groups and Social Categories*. Cambridge: Cambridge University Press; 1981.